

В академии всего три класса, разделенные на три группы: Тянь, Ди и Сюань.

Каждый класс насчитывает примерно по тридцать человек, так что в общей сложности в академии с учителями — около ста человек.

Среди этих почти ста людей, независимо от того, из бедных ли они семей или из состоятельных, все они — избранные, как небесные дети.

Те, кто не живет в общежитии, либо живут близко к академии, либо предпочитают жить в более комфортных условиях. Те же, кто проживает в академии, делают это либо из-за удаленности дома, либо из-за удобства обучения.

Те ученики, которые не были знакомы с Му Цином и его товарищами, сначала не обращали внимания, когда видели, как Шэнь Лянь и его друзья едят одинаковую еду. Однако со временем, заметив, что многие их одноклассники едят такую же пищу, они начали осознавать, что что-то здесь не так.

Они начали следить за ними, и заметили, что блюда одинаковые, приятно пахнут и выглядят очень аппетитно.

Теперь, каждый раз, когда они едят, они невольно поглядывают на их столы, пытаются узнать, что они едят и насколько вкусно.

Некоторые ученики, пользуясь дружескими связями с Му Цином, иногда пробовали их еду, и после этого они не могли забыть ее вкус.

Со временем, наблюдая, как их одноклассники наслаждаются разными блюдами, они начали чувствовать дискомфорт и неравенство.

Наконец, терпение лопнуло, и они решили собраться вместе, чтобы выяснить, можно ли получить такую еду и для себя.

Тот, кого они нашли, был полный парень по имени Чай Юаньвэй, который был другом Му Цица. Он был полным человеком, всегда спокойным и довольным жизнью. Когда его окружили, он еще наслаждался воспоминаниями о вкусной еде, которую он съел на обед.

Чай Юаньвэй не совсем понимал, что происходит, и, глядя на своих друзей, с удивлением спросил: "Что случилось? Почему вы все окружили меня?"

Один из них, улыбаясь, обнял его за плечи, похлопал по щекам и сказал: "Эй, маленький толстячок, ты в последнее время хорошо поел, лицо снова округлилось".

Чай Юаньвэй, чувствуя смущение, немного покраснел, затем тихо возразил: "Не, не так много ел".

Но тот, кто обнял его, не обратил внимания на его слова, а лишь обменялся взглядом с другими.

Затем другой человек наклонился и внимательно посмотрел на Чай Юаньвэя: "Я заметил, что вы все в последнее время хорошо питаетесь. Ты даже, похоже, готов съесть всю бульонную жидкость до последней капли".

Услышав это, Чай Юаньвэй снова вспомнил вкус обеда, невольно провел языком по губам и кивнул: "Да, действительно вкусно, мне очень понравилось".

Увидев, что он сам признался, несколько человек обменялись взглядами, и тот, кто обнимал его, сказал: "Ты видишь, мы все друзья, правда?"

Эти слова насторожили Чай Юаньвэя. Он повернулся к ним и спросил: "Конечно, мы друзья, но что вы хотите от меня?"

Они обменялись взглядами и пришли к согласию.

Человек, обнимающий его, чуть сильнее прижал его к себе, лениво сказал: "Да ничего особенного, просто маленькая просьба, хотел бы, чтобы ты нам помог".

Он еще и похлопал Чай Юаньвэя по мягкому животу.

Чай Юаньвэй испугался и почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он не знал, что за "маленькое" дело они хотят от него.

#

Через мгновение, Чай Юаньвэй с опущенной головой встал перед Му Цином, а за ним стояли те же друзья, которые только что подходили к нему.

Му Цин взглянул на них и поднял бровь, немного удивившись: "Что вы хотите сделать?"

Главный из них толкнул полного, заставляя его заговорить.

Чай Юаньвэй слегка смутился, но под давлением друзей тихо произнес: "Мы хотели бы попросить тебя помочь, чтобы Шэнь Лянь тоже сделал для них еду. Ну, такую же, как у нас".

Му Цин был удивлен, что они устроили такой спектакль только ради этого. Но, заметив, как они толкают полного, ему это показалось немного знакомым.

Прежде чем он смог вспомнить, что именно ему показалось знакомым, эти люди уже начали нетерпеливо пихать полного, заставляя его снова обратиться к Му Цин.

Чай Юаньвэй смущенно повторил: “Эмм, если они хотят поесть, может, ты всё-таки поможешь им?”

Му Цин не слишком беспокоился их действиями. Он понимал, что даже если он что-то скажет, решать будет всё равно Шэнь Лянь. Пожелать помочь — это не так уж и важно.

Он взглянул на группу, ожидающую ответа, и кивнул: “Хорошо, я могу передать их просьбу, но будет ли это возможно — это уже не в моей власти”.

Услышав это, все сразу обрадовались, даже не обратив внимания на его оговорку, что результат зависит не от него.

С этим Му Цин повел за собой толпу "хвостов" к Шэнь Ляню.

Смотря на Шэнь Ляня, который продолжал читать книгу, Му Цин на самом деле восхищался его умением всегда использовать время для важных дел. Он только что отвлекся, и те, кто стоял за ним, уже начали терять терпение, не удержавшись и толкнув его.

Почувствовав на себе их толчок, Му Цин наконец вспомнил, почему ему показались знакомыми их действия.

Хорошо, их манера поведения была точно такой же, как у тех, кто заставил его прийти и поговорить, когда они угрожали полному.

Хотя он вспомнил, Му Цин быстро пришел в себя и, увидев, что Шэнь Лянь уже положил книгу и смотрит на них, тихо сказал: “Шэнь брат, они... они тоже хотят поесть такую же еду, как у нас”.

Шэнь Лянь скользнул взглядом по их лицам и, увидев их полные ожидания глаза, покачал головой и сказал: “Извините, я не могу решить этот вопрос. Мой супруг очень устал, вам нужно много еды, он не обязательно сможет найти силы на это”.

Один из них, не выдержав, воскликнул: “Так ты можешь сначала спросить у твоего супруга! Что если он согласится?”

Но прежде чем Шэнь Лянь успел ответить, сзади раздался насмешливый смех, в котором

звучала явно высокомерная интонация.

“Я смотрю на него! Это не забота о супруге, а чистая отговорка”.

Когда раздался этот голос, не только Шэнь Лянь повернул голову в его сторону, но и все остальные, кто подошел к нему, тоже обернулись.

Говоривший был одним из учеников старшего класса, по имени Гэн Сян. В отличие от Шэнь Ляня, который не имел особого происхождения, семья Гэн начиналась с его деда, который был учёным, правда, на уровне “Цзюйжэнь” (средний чиновничий титул), но Гэн всегда считал себя выдающимся человеком, который в будущем обязательно станет высокопоставленным чиновником, ведь он был единственным, кто, как его дед, сдал экзамен на “Цзюйжэнь”.

К сожалению, несмотря на его усилия, даже сдав экзамен, Гэн Сян всё равно оставался в глазах учителей недостаточно образованным, и даже если бы он пошел на государственный экзамен, его результаты вряд ли были бы отличными.

С момента прихода Шэнь Ляня Гэн Сян особенно не мог смириться с этим. Его недовольство достигло пика, когда он увидел, что не только учителя академии, но и его одноклассники начали восхищаться Шэнь Лянем.

Услышав, что эти люди пытаются угодить Шэнь Ляню ради одной трапезы, Гэн Сян в душе не только не ощущал уважения, но и испытывал презрение.

Гэн Сян был уверен, что Шэнь Лянь просто выставляет себя на показ. Ведь если бы он не хотел зарабатывать деньги, он бы не стал заниматься торговлей. А теперь, когда он уже начал, он находит оправдания, чтобы приподнять свой статус.

Когда Шэнь Лянь сказал, что его супруг, возможно, не имеет сил заняться этим, и ему нужно вернуться и обсудить, Гэн Сян не смог удержаться от сарказма.

И вот, при всех, кто уже не был с ним в хороших отношениях, Гэн Сян с презрением сказал: “Разве я не прав? Он сам начал заниматься этим, а теперь говорит, что должен заботиться о здоровье своего супруга и не хочет перегружать его. Так зачем тогда вообще начинать, если не хочешь этого делать?”

Шэнь Лянь посмотрел на этого злого мужчину, который с яростью смотрел на него. В его взгляде, кроме презрения, сквозила скрытая зависть.

Гэн Сян действительно завидовал Шэнь Ляню, но он считал, что это не зависть, а просто неуважение, и был уверен, что скрывает свои чувства так, что никто их не заметит.

Шэнь Лянь догадывался, что тот думает, и поднял брови, глядя на мужчину. Он сказал: “Что,

ты считаешь, что я не могу позаботиться о здоровье своего супруга?”

“Ты, торговец, о каком здоровье говоришь? Разве не важнее зарабатывать деньги?” — без раздумий ответил Гэн Сян, услышав, что Шэнь Лянь продолжает разговор.

“А, так получается, брат Гэн считает, что торговцам не нужно заботиться о своем здоровье и не стоит беспокоиться о том, возникнут ли у них проблемы? В твоём понимании, они все — это люди, которые готовы пожертвовать жизнью ради денег?” — продолжил Шэнь Лянь.

Гэн Сян, слушая Шэнь Ляня, вдруг понял, что он прав. В их идеологии всегда утверждалось, что люди из разных слоев общества находятся на разных уровнях, и торговцы — это самый низший слой.

После этого, размышляя, Гэн Сян с уверенностью ответил: “Разве это не так? Ты, учёный, пришел в академию, и вместо того, чтобы учиться, все время занимаешься всякой ерундой. Ты еще называешь себя учёным?”

Услышав, как Гэн Сян поучает его, Шэнь Лянь не только не рассердился, но вдруг рассмеялся.

Гэн Сян, увидев его смех, изменился в лице. Он явно хотел объяснить ему свою точку зрения, но тот продолжал смеяться, что его просто бесило.

Гэн Сян злобно смотрел на мужчину перед собой, но наконец не смог удержаться и спросил: “Что ты смеешься?”

Шэнь Лянь взглянул на него с сожалением и, увидев его нетерпеливый взгляд, медленно сказал: “Ты, принижая торговцев, знаешь ли, сколько здесь людей — сыновей торговцев?”

Лицо Гэн Сяна сразу изменилось. Он автоматически огляделся и заметил, что его одноклассники смотрят на него с непередаваемыми выражениями лиц. Му Цин даже засучил рукава, как будто готов был его побить.

Чёрт возьми, он сразу знал, что этот младший красавчик — не подарок. Все, что он только что сказал, явно было направлено на то, чтобы настроить его одноклассников против него.

“Неважно, будь то владелец ресторана или простые торговцы, они все работают ради жизни, поэтому так усердно трудятся. К тому же, независимо от их положения, они такие же простые люди, как и другие жители этого места. Ты их презираешь. Если ты станешь чиновником, будешь ли ты по-прежнему смотреть на них с таким презрением? Сможешь ли ты защищать их права?” — сказал Шэнь Лянь размеренно, но его слова были полны веса.

Гэн Сян, слушая его, побледнел. Он хотел возразить, но не знал, что ответить.

Вдруг, продолжая говорить, Шэнь Лянь добавил: “Если ты продолжишь с такими мыслями сдавать экзамены и станешь чиновником, то тот день, когда ты получишь должность, станет днем несчастья для народа”.

“Ты... ты что, с ума сошел?!” — Гэн Сян испугался, он не думал, что его слова могут иметь такие последствия. Ведь многие люди с древних времен презирали торговцев, и он вовсе не считал это чем-то необычным.

Гэн Сян бросился к Шэнь Ляню, чтобы дать ему урок, но, когда его рука коснулась воротника Шэнь Ляня, он понял, что тот выше его на целую голову.

Теперь он сам вынужден был смотреть на него сверху вниз.

Шэнь Лянь, глядя на этого человека, который пытался выглядеть грозно, спокойно сказал: “Я сказал что-то не так? Ты такой эгоистичный, как можешь быть хорошим чиновником? Даже если ты и станешь чиновником, ты, скорее всего, окажешься коррумпированным!”

“Ты!” — Гэн Сян пришел в ярость и поднял руку, чтобы ударить его, но тут раздался знакомый гневный крик: “Что ты собираешься делать?!”

Гэн Сян узнал голос и, будучи всего лишь пустым местом, испугался и отпустил Шэнь Ляня. Он быстро обернулся и увидел своего учителя, который подошел к ним и с гневом смотрел на него.

“Учитель...” — Гэн Сян почувствовал, как сердце сжалось, и сразу ослабил хватку.

После того как Шэнь Лянь был освобожден, он медленно поправил свою одежду, которую Гэн Сян неаккуратно помял, а затем повернулся и вежливо поклонился учителю, сказав: “Учитель”.

“Что вы тут делаете? Знаете ли вы, где находитесь? Такое поведение совершенно неприемлемо!”

Гневный голос учителя Лю разнесся по комнате, его взгляд скользнул между Шэнь Лянем и Гэн Сяном, как будто он хотел понять, что они, собственно, делают.

Шэнь Лянь, услышав упрек от учителя, ничего не сказал, просто тихо стоял и слушал выговор.

Гэн Сян же напрягся и, с улыбкой на лице, подошел к учителю Лю, сказал: “Учитель, ничего страшного, я просто обсуждал с Шэнь братом наши разные взгляды”.

Иногда среди ученых бывают споры, но обычно это не приводит к серьёзным последствиям, и,

даже если кто-то замечает это, обычно ограничиваются несколькими словами и не углубляются в детали.

Услышав слова Гэн Сяна, учитель Лю хоть и оставался немного сомневающимся, но всё же не стал продолжать разбирательства. Он лишь мрачно сказал: “Если хотите поспорить, спорьте, но только словесно. Если я снова увижу, как вы проявляете агрессию, я не буду вас жалеть”.

“Да, да”, — поспешно кивнул Гэн Сян, боясь, что оставит плохое впечатление о себе перед учителем.

Му Цин, стоявший не так далеко, не собирался давать ему поблажек. Когда он увидел, что учитель Лю собирается уходить, он сразу громко воскликнул: “Учитель, это не так! Гэн Сян просто завидует Шэнь Ляню! Когда мы попросили Шэнь Ляня помочь, он встал и вмешался, ещё и оскорбил других!”

“Нет, этого не было!” — Гэн Сян, несмотря на своё презрение к Шэнь Ляню, знал, что если учитель услышит, что он сказал, то его тоже не минует выговор.

Услышав настойчивое отрицание Гэн Сяна, учитель Лю начал понимать, что не всё так просто. Он больше не стал смотреть на того, кто пытался оправдаться, а повернулся к собравшимся и выбрал одного из них.

“Что случилось?” — спросил он, указывая на одного из студентов, — “Расскажи!”

Этот ученик, который изначально стоял в стороне и наблюдал за происходящим, внезапно оказался выбран учителем, и немного растерянно указал на себя. После того как учитель кивнул, он смущенно вышел вперёд и, собравшись с силами, начал рассказывать о случившемся.

Чем больше учитель Лю слушал, тем мрачнее становилось его лицо, а в конце, взглянув на Гэн Сяна, он поменял выражение лица.

Гэн Сян, видя изменение в выражении лица учителя, в душе тоже почувствовал тревогу.

Когда учитель закончил выслушивать рассказ, он взглянул на Шэнь Ляня, который стоял прямо и спокойно, затем на Гэн Сяна, который немного поник, и, фыркнув, резко опустил палку.

“Шэнь Лянь прав, все люди должны быть равны. Нельзя судить их только по их делам. Если ты будешь смотреть на них свысока, когда станешь чиновником, ты не сможешь быть хорошим правителем”.

Гэн Сян не ожидал, что его несколько слов приведут к столь суровой критике со стороны

учителя Лю. Лицо его побледнело, и он, запинаясь, едва выговорил: “Учитель, я понял”.

После того как учитель закончил наставление, он снова посмотрел на Шэнь Ляня, как будто собираясь что-то сказать, но быстро замолчал, так как почувствовал, что слова Шэнь Ляня были правильными.

В конце концов, он только вздохнул и сказал Шэнь Ляню: “В следующий раз избегай подобных инцидентов в учебном зале”.

“Да, ученик примет к сведению!” — Шэнь Лянь поклонился учителю с уважением, принимая его наставления.

Учитель Лю посмотрел на него, не увидев ни малейшего недовольства в его глазах, и почувствовал облегчение. Он погладил свою бороду, кивнул в сторону Шэнь Ляня и вскоре покинул помещение.

Как только учитель Лю ушёл, Му Цин, Чай Юаньвэй и его друзья подошли к Шэнь Ляню.

Чай Юаньвэй, немного смущённый, посмотрел на Шэнь Ляня и тихо произнёс: “Извините, это всё моя ошибка”.

Шэнь Лянь, попросившись с учителем и выпрямившись, взглянул на одноклассника, который извинялся, слегка улыбнулся и ответил: “В чём твоя ошибка? Просто другие не могут спокойно смотреть на меня, поэтому они и пытаются найти повод для ссоры”.

Гэн Сян, услышав эти слова, почувствовал, что Шэнь Лянь косвенно указывает на него, но так как его только что отчитал учитель Лю, он не осмелился продолжать спорить. Он лишь фыркнул и вернулся на своё место.

Шэнь Лянь, заметив его поведение, не стал обращать на него внимания, а вместо этого обратился к остальным, кто всё ещё смотрел на него. Он пообещал: “Мне нужно посоветоваться с моим супругом, так как эти блюда были приготовлены им лично. Если он не справится, нам придётся попросить о помощи других. Но в этом случае вкус может отличаться от того, который вы пробовали”.

Услышав эти слова, лица людей сразу изменились, они начали выглядеть смущёнными. Они хотели попробовать это блюдо именно из-за его вкуса. В конце концов, для таких богатых людей не составило бы труда найти еду на любой вкус, и не было бы смысла так сильно настаивать на этих конкретных блюдах.

Тем не менее, услышав слова Шэнь Ляня, они выразили понимание, кивнули и сказали: “Понимаем, можешь спросить у него”.

После того как Шэнь Лянь получил их согласие, вопрос был решён.

□□#

Когда Шэнь Лянь вернулся домой, Линь Сяоцзю был на кухне, готовил блюда, а приглашённая служанка Гу уже убирала инструменты в саду.

В центре двора стояла большая деревянная чаша, в которой находились несколько крабов. Сылан, Канцзянь и Ташюэ внимательно следили за этими крабами, их маленькие глазки полны настороженности.

Каждый из крабов размахивал огромными клешнями, пытаясь атаковать этих трёх больших пушистых существ.

Один из крабов, поднимая клешни, почти выполз из чаши. Ташюэ испугался, вздрогнул и одним рывком вернул краба обратно в чашу, затем присел на задние лапы и отступил на несколько шагов.

Сылан, как будто столкнулся с врагом, начал лаять в сторону деревянной чаши, оголяя зубы и собираясь прыгнуть.

Шэнь Лянь, наблюдая за этой сценой, увидел, как они суетятся вокруг чаши, выглядя невероятно возбужденными, и вдруг почувствовал, что это довольно смешно. Все раздражение, которое он пережил в академии, как будто немного улеглось.

Возможно, шум, который создавали Сылан и остальные, был слишком громким, потому что Гу, собирающая последние вещи, тоже повернулась в их сторону.

Увидев Шэнь Ляня, она немного удивилась, но быстро пришла в себя и позвала его: "Шэнь Цзюйжэнь!"

Шэнь Лянь кивнул ей в знак приветствия и, заметив её немного взволнованный вид, сказал: "служанка Гу, сегодня вам пришлось потрудиться, если вы закончите, можете пораньше идти отдыхать".

"Э, хорошо, я поняла".

Служанка Гу согласилась, закончила собирать последние вещи и, положив их, покинула двор.

Перед уходом она попрощалась с Линь Сяоцзю.

Линь Сяоцзю, заметив Шэнь Ляня, который только что вернулся, обрадовался и спросил: "Когда ты вернулся?"

"Только что".

Шэнь Лянь посмотрел на Линь Сяоцзю, который был в фартуке, и удивлённо спросил: "Что ты готовишь?"

"Сегодня же собираемся есть крабов, я решила приготовить ещё пару блюд, а то если только крабы, будет слишком однообразно".

Шэнь Лянь кивнул, потом, осознав, сказал: "Вот почему я увидел, что ты купил так много крабов".

Линь Сяоцзю, услышав его, посмотрел на трёх животных, которые вокруг чаши прыгали, как будто готовились к бою, и его выражение лица на мгновение замерло. Однако вскоре он сказал: "Кстати, ты только что вернулся, иди отдохни, скоро будет готово".

"Хорошо".

Когда Шэнь Лянь после того, как привёл себя в порядок, снова вышел во двор, крабы, которые раньше яростно сидели в деревянной чаше, теперь уже были превращены Линь Сяоцзю в ароматное горячее блюдо.

Линь Сяоцзю разделил крабов пополам, убрал острые части, которые могли повредить зубы собак, и дал каждому из них по одному.

Когда Линь Сяоцзю закончил и снова поднял голову, чтобы сесть за стол, он увидел, что в его чашке уже лежало много мяса краба.

Линь Сяоцзю некоторое время смотрел на мясо краба, а затем, подняв глаза, взглянул на Шэнь Ляня, который сидел неподалёку, низко наклонив голову, чтобы аккуратно разобрать мясо. Тогда он понял, что это мясо пришло именно оттуда.

Линь Сяоцзю улыбнулся в ответ Шэнь Ляню, почувствовав тепло в душе. Однако, глядя на его ловкие руки, которые без усилий вынимали мясо, он ощутил, как это выглядит особенно привлекательно.

Когда Шэнь Лянь разобрал для него ещё одного краба, Линь Сяоцзю вдруг с любопытством спросил: "Кстати, каким был твой дом раньше?"

Как только он произнёс эти слова, рука Шэнь Ляня, которая обрабатывала мясо, вдруг заметно

замерла.

<http://bllate.org/book/15132/1337456>